

2020¹⁸⁺

ЯНВАРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

УРАЛ

УРАЛ 2020

Из театров, что возникли в нашем городе в постсоветское время, конечно, самый прославленный – «Коляда-театр». В нем-то я бывал, но поклонником его не стал, хотя не просто с уважением, но и с душевной приятностью отношусь к его создателю. Николай Владимирович Коляда – человек большого и многогранного таланта, творческой дерзости, к тому же обладающий редкой в наше время способностью объединять вокруг себя талантливых людей. В нем живет ясное представление о том, каким должен быть театр; он умеет превратить это представление в программу конкретных действий и обладает неукротимой энергией, чтобы самую фантастическую программу реализовать. Он создал театр своего имени с нуля, не имея, насколько я знаю, ни стартового капитала, ни благодетелей-спонсоров.

Однако «Коляда-театр» – как бы точнее сказать? – не мой театр, его эстетическая платформа мне не близка. Подробнее обсуждать здесь эту коллизию мне не хотелось бы.

А вот за другим екатеринбургским театром я с большим интересом и искренней симпатией наблюдаю уже много лет. Сразу назову: это «Старый Дом»; он уже более сорока лет носит почетное звание «Народный», но даже по этому признаку видно, что он не профессиональный (то есть члены его труппы не оканчивали театральных учебных заведений, не получают за свою театральную службу зарплату) и стать профессиональным никогда не стремился: у него иная миссия, иные амбиции. Так что сравнивать

его с «Коляда-театром» было бы некорректно, я и не буду этого делать. Он интересен мне сам по себе.

Прежде всего, это театр-долгожитель. В начале года, объявленного у нас Годом театра, он отыграл свой 53-й сезон. Даже для профессионального театра такой возраст признавался бы почтенным, а любительские так долго обычно не живут. Долгожительство и среди людей большая загадка: кого-то не спасает и «здоровый образ жизни», а кто-то проходит через немыслимые испытания – и ставит рекорды долголетия. Многие склоняются к тому, что дело в генах. Что ж, у театра «Старый Дом» жизнь всегда была не тепличная, особенно в самые последние годы, зато гены у него интересные.

Родился он при крупном и самом известном в регионе инженерном вузе, Уральском политехническом институте, в то время, когда самодеятельные творческие коллективы такого рода возникали везде и постоянно, ибо казались естественной частью студенческой жизни. Наверно, не было ни одного вуза без театрального кружка (или «студии»), даже на факультетах, а то и на курсах они рождались. Но, как правило, жизнь их была недолговечной: попробовали себя на сцене, порезвились – и хватит, пора всерьез за курсовую (тем более – за дипломную) работу усаживаться.

Парадоксально, но закономерно: чем выше с самого начала задавалась планка творческих устремлений (а, значит, больше требовалось вкладывать времени и труда в это свое увлечение), тем дольше длилась жизнь коллектива. Наверно, самый известный случай такого рода – Студенческий театр МГУ, к становлению которого причастны Ролан Быков, Марк Захаров, Марк Розовский, Григорий Горин. Он существует и по сей день,

но уже почти двадцать лет в статусе государственного, на деньги из бюджета города Москвы. И насколько «студенческим» он остался по сути – не имею информации и не берусь судить.

Театр «Старый Дом» несколько моложе именитого московского, но в таком возрасте разница уже и не существенна. Любопытно и поучительно было бы сопоставить причины их долгожительства. Думаю, в чем-то они совпадают, но и разнятся – несомненно. Однако, по крайней мере, два обстоятельства, отличающих екатеринбургский театр, представляются мне уникальными.

Первое: вся его история – это движение *в одном русле* от простой студенческой самодеятельности к новым творческим горизонтам. Представление о том дает последовательная череда названий, под которыми он жил в разные годы. Начинался он как «Театр эстрадных миниатюр политехнического института», потом стал «Сатирическим театром ДК УПИ», еще позже – «Студенческим театром драмы», а нынешнее имя обрел в 1991 году, когда отмечал уже свое 25-летие. (Правда, на программке 2015 года появилась еще одна версия названия: «"Старый Дом" в изгнании», чему есть объяснение, но о нем позже.) Каждый период – этап «взросления», и все они ощутимо присутствуют в нынешнем творческом стиле театра, как присутствуют давно прожитые детство, отрочество, юность в характере и поведении зрелого человека.

Второе обстоятельство можно посчитать отчасти и объяснением первого: на протяжении своего долгого пути театр «Старый Дом» был и остается живым и цельным организмом. Однако эта достаточно отвлеченная формула требует пояснений.

Я имею в виду, прежде всего, что, несмотря на естественные перемены, которые приносит время, основной состав коллектива остается очень стабильным. Вот передо мной список ветеранов «Старого Дома», опубликованный в недавний юбилейный сезон. В нем полтора десятка имен, и самые молодые из участников этого общего дела служат в театре по 11-12, а те, кто постарше, – и 17, и 19, и 27, и 34, и 37, и 38 лет. Но это сведения трехлетней давности, а некоторых актеров из этого списка я видел на сцене в минувшем сезоне, так что добавьте к названным цифрам еще три года. И можно не сомневаться: прослужив столько лет в театре, ветераны так с ним сжились, что продолжают оставаться в нем и впредь, хотя давно закончили вуз и на жизнь зарабатывают тем, что предопределено их инженерным дипломом и прихотливой судьбой. Мало того, в «Старом Доме» образовались уже свои театральные династии. К примеру, Григорий Ким, дебютировавший на сцене театра в 2008 году, а нынче играющий роли первого плана в семи спектаклях, – это сын Андрея Кима. А Андрей Георгиевич (которому исполнилось уже 55 лет), начал играть здесь еще первокурсником радиофака УПИ, а сейчас без его участия в одной из главных ролей немислим, мне кажется, ни один спектакль «Старого Дома», и всякий раз его появление на сцене зал встречает бурными аплодисментами: зрители его знают и любят.

Но «Старый Дом» – не закрытый «клуб» для, увы, стареющих «своих»: хоть ветераны здесь задают тон и уровень, все-таки это студенческий театр, и ежегодно труппа пополняется. Объявляется конкурс, участвовать в котором приглашаются «лица с достаточным культурным кругозором и предполагающие у себя творческие

способности» (цитирую формулировку с сайта СтД). С теми, кто этот конкурс выдерживает, в течение учебного года (сезона!) проводятся серьезные занятия, а потом они выходят на сцену, и по завершении спектакля в праздничной обстановке (цветы, аплодисменты) объявляется об их приеме в труппу. Мне случалось бывать на таких церемониях; по-моему, это трогательная и замечательная традиция.

Но я упомянул о «Старом Доме» как «общем деле», и это не случайная словесная фигура. У них есть звание «Почетный член труппы» (оно примерно соответствует званию «заслуженных» и «народных» на профессиональной российской сцене), но нет деления на «элиту» и «обслуживающий персонал». В одном спектакле «почетный член» играет главную роль, в другом он светооператор или звукооператор, а то и участник «группы зала и фойе». (Кстати, участник этой группы – что-то вроде традиционного капельдинера, но тут он еще и полпред труппы, в нравственно-эстетическом смысле – ее олицетворение.)

Ну и, конечно, единство и цельность творческой жизни СтД придает то обстоятельство, что уже более пятидесяти лет ее неизменным формальным и неформальным лидером является Николай Александрович Стуликов – выпускник УПИ, инженер-теплотехник, турбинист по образованию и первому трудовому опыту¹, но по жизни – многогранно одаренный театральный деятель, признанный и профессиональным сообществом нашего богатого театральными традициями города, отмеченный уже и почетными званиями, и престижными премиями, а главное –

¹ По окончании УПИ он работал на Турбомоторном заводе, где в свое время (но несколько раньше) работал и я; как-то в разговоре выяснилось, что у нас в памяти с тех времен осталось немало общего.

безграничным доверием ведомого им коллектива.

«Старый Дом» – явление в театральном мире уникальное, о нем бы надо писать не только специально ему посвященные статьи, но даже исследования. Но в контексте «воспоминаний и размышлений» о своем опыте театрального зрителя я вспомнил об этом театре, потому что он кажется мне ярким воплощением идеи «социальности» театра, как я ее понимаю. Подчеркну, что это «социальность», не противостоящая «театральности», а прямо из нее вытекающая и на ней произрастающая. Участники создания спектаклей в «Старом Доме» всякий раз демонстрируют прекрасное знание театрального языка, а главное – замечательную изобретательность и смелость в его использовании. Тут можно вспомнить и ладно скроенные инсценировки (не только классических прозаических текстов, но также и пьес, громоздких для «формата» любительского все же театра), и широкое использование звуковых и зрительных эффектов, и неожиданную акробатику Андрея Кима в роли мольтеровского героя, и такую, к примеру, условность: начинается «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и участник спектакля выносит на авансцену тазик с водой и объявляет, что это миргородская лужа. Зрители радостно соглашаются верить.

Но не ради таких вот неожиданных и забавных находок создаются эти спектакли. А для чего? На этот вопрос одной фразой, которая бы охватывала более полувека увлеченной работы, не ответишь. Начинали они с той злободневности, которую театры и зрители на волне уже ушедшей, но открывшей умы и души «оттепели» искали в пьесах Евгения Шварца, Алексея Арбузова, Григория Горина,

Михаила Рощина, Александра Вампилова. Со временем в их репертуаре все более весомое место занимают Булгаков, Зощенко, а там и Тургенев, Чехов, Гоголь, Мольер (на которого они вышли через Булгакова). Это не уход от современности, а углубление в философские проблемы человеческого бытия, в фундаментальные основы жизни. Для меня чрезвычайно важно, что путь их в этом направлении лежит через область хорошей литературы, через тщательно продуманную систему образов и образцовый язык, а, стало быть, через осознание некоего мирового порядка, лежащего в основе всего сущего. Распознавание истин, встречаемых на этом пути, всегда приносит радость, и надо видеть, с каким удовольствием работают – нет, живут! – на сцене артисты-любители.

Но эта радость, как я мог заметить, всегда царит при этом и в зрительном зале, который я, к слову, никогда не видел хотя бы полупустым (а случилось, не похлопотав заранее о билете, обращаться за помощью и непосредственно к Н.А. Стуликову). Конечно, у артистов студенческого театра обширный круг друзей, почитателей и «болельщиков», но, насколько я мог заметить, аудитория «Старого Дома» гораздо шире. И вот что, на мой взгляд, замечательно: на том уровне общения, который предлагает этот театр, исчезают барьеры между «отцами» и «детьми», между культурой и «молодежной субкультурой», между «тусовкой» и «толпой». Театр снова становится тем органом самосознания социума, которым он, собственно, и должен быть по своей природе. В этом я и вижу его «социальность». И

Валентин Лукьянин — кандидат философских наук, публицист, литературный критик, автор нескольких книг, посвященных истории и культуре Екатеринбурга, и множества статей и исследований, опубликованных в различных российских изданиях. В 1980–1999 гг. был главным редактором журнала «Урал», истории которого посвящена его книга «“Урал”: журнал и судьбы» (2018).

потому в «Старом Доме» чувствую себя не «в чужом пиру», а там, где мне интересно, где я свой; то есть снова ощущаю себя театралом.

Мне не хотелось бы, однако, чтобы читатель понял меня так, что лишь в этом небольшом любительском театре сосредоточилось для меня все, что осталось нынче от некогда великого и славного отечественного театрального искусства. Нет, я думаю, что это только один из примеров, подтверждающий, что тысячелетние традиции театра живы, и они непременно возродятся. Когда и почему – отдельный вопрос.

И последнее. Я обещал объяснить странную перемену в названии: «“Старый Дом” в изгнании». Дело в том, что в 2014 году – только-только Н.А. Стуликов был отмечен Губернаторской премией – руководство Уральского федерального университета, сосредоточенное на повышении прибылей от продажи «образовательных услуг», отобрало у студенческого театра зрительный зал, чтобы переоборудовать его в лекционную аудиторию. Театральная общественность города и все поклонники замечательного коллектива восприняли эту акцию как проявление откровенного вандализма и, как могли, выразили свое возмущение. Но руководство вуза имени первого президента России осталось непреклонным, показав на деле, что представляет собой второй российский капитализм.

Но театр выстоял, потому что его на время приютил муниципальный театр «Щелкунчик», где они и показывают (увы, реже, чем прежде) свои спектакли